

Ухач А. О.

ПОЭТОНИМОСФЕРА «КРЫСОЛОВА» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Исследованию творчества М. Цветаевой посвящено немало различных научных работ, в том числе лингвистических. С. И. Львов писал: «Секрет воздействия поэзии М. Цветаевой раскрыт ею самой: «Равенство дара души и глагола – вот поэт». Любовь к родному языку, мастерское владение его изобразительными ресурсами, чуткое отношение к слову позволили М. Цветаевой выразить свою страстную, противоречивую и непокорную душу» [4, с.79]. Произведения поэта рассматриваются в плане лексикологии и семасиологии (Н. В. Черных, М. Ю. Гарбуз, И. Ю. Белякова, С. А. Ахмадеева), лексикографии (Л. Л. Шестакова), словообразования (С.И. Львов), синтаксиса (В. В. Жильцова, Т. Ф. Новикова), концептологии (В. А. Маслова, О. М. Бородавкина).

Особый интерес представляет собой творческое наследие Цветаевой для ученого-поэтонома. К. Б. Жогина в статье «Поэтика имени» М. Цветаевой отмечает: «Цветаева осмысляет имя как носителя сущности явления, вещи, личности, вслед за философами-имяславцами признает за именами <...> существование магической силы, детерминирующей во многом личность их носителей» [1, с. 289]. Цветаева отводит именам особую роль в созидании и сотворении художественного образа и художественного мира произведения. «Качественное» и «количественное» насыщение произведения поэтонимами позволяет выразить лирическое переживание в полной мере.

Подчиняя собственные имена поэтическим задачам, М. Цветаева превращает их в организующее и формирующее в плане стиля и творческой манеры начало. Она использует семантические, формальные и синтаксические характеристики поэтонимов. Актуализирует часть информации, заложенной в ходе их функционирования в качестве узуальных коннотомов, а также вносит собственные созначения, которые становятся значимыми в рамках всего творчества поэта.

Рассмотренные в связи и взаимодействии между собой, поэтонимы образуют поэтономосферу, включенную в пространство всего произведения¹. Остановимся на рассмотрении поэтономосферы, конкретнее – ее структуры, на материале поэмы Марины Цветаевой «Крысолов» (1925 г.).

Сюжетной основой произведения послужила средневековая немецкая легенда о музыканте, избавившем город от нашествия крыс. Не получив обещанное вознаграждение, флейтист увел из города также всех детей и вместе с ними исчез в близлежащих горах. Этот сюжет использовали Гете («Крысолов»), Гейне («Бродячие крысы»), Карл Зимрок («Крысолов»), позднее И. Бродский («Шествие»). Однако, как замечает И. Малинкович, «в трактовке Цветаевой традиционный сюжет о Крысолове обрел небывалую прежде смысловую наполненность, Цветаевой удалось, как никому до нее, вскрыть экзистенциальные корни легенды и актуализировать ее социальные коннотации <...> произведения такого масштаба, как цветаевский «Крысолов», мы после 1925 года не имеем (подразумеваются, естественно, произведения с указанным сюжетом)» [цит. по 2, с. 195].

События происходят в немецком городе *Гаммельн*. Топопоэтоним не только указывает на место события, Цветаева привносит в название города окказиональные коннотемы 'город купцов-барышников' (//Рай-город, пай-город, всяк-свой-пай-берет, – /Зай-город, загодя-закупай-город.// [8, с. 192]), 'город-амбар' (//Из амбара – да в Индию?! [8, с.212]), 'город жителей без души' (//В городе Гаммельне – отпиши – / Ни одного кларнета. /В городе Гаммельне – ни души./Но уж тела за это!// [8, с. 189]) и другие.

Название города в поэме Цветаевой становится «говорящим»: «Во всех западных источниках и вариантах сюжета о «Крысолове» слово «Hameln» пишется с одной буквой «m»; в произведениях русской литературы, использующих этот сюжет или его элементы, название города или совсем не встречается, или тоже пишется с одним «м». <...> Исследователи уже обращали внимание на указанную особенность цветаевской орфографии. Высказывалось предположение о том, что такое написание привносит в семантику имени города дополнительную сатирическую коннотацию («Hammel» по-немецки значит «баран» или – бранный вариант – «дубина»; «Gammel» – «старый хлам», «ненужное барахло»)» [6, с.196].

Этот поэтоним оказывается центральным в поэтономосфере произведения и притягивает к себе два «слоя» собственных имен:

1. Поэтонимы и их замены, называющие персонажей (*Грета*, *Бургомистр*) и указывающие направление движения (*Индия*, *Индостан*, *Китай*).

Знаменательно то, что главный герой – флейтист, избавивший город от крыс и уведший детей – имени не имеет. Для его номинации используются апеллятивы и описательные конструкции: //Кажется – розу/ Поднял флейтист?! [8, с. 214], //Лжет не Музыка – музыкант!// [8, с. 222], //Выше звезд./Выше слов./Во весь рост – /Крысолов./ [8, с. 237], //Человек в зеленом – с дудочкой// [8, с. 207] и другие². Позиция этого поэтонима в структуре поэтономосферы остается незанятой, потенциальное расположение – обособленно от «центра» *Гаммельн* и от двух «слоев» поэтонимов. М. Цветаева часто использовала в своем творчестве прием неназывания, «сокрытия» имени [5, с. 350-357; 7]. Здесь мы только затрагиваем эту проблему, хотя она, несомненно, требует анализа и детальной разработки.

2. Поэтонимы, употребляемые в поэме условно вторично, коннотативные поэтонимы: *Эльдорадо*, *Москва*, *Карлсбад*, *Шмидты-Майеры*, *Ахилл*, *Авель*, *Байроны*, *Петр* и *Павл* и др.: //Без пожаров – /город, благость-/город, Авель-/город. – Рай-/город...// с. 192; //В сем Эльдорадо когда и кто ж /Пуговицы теряет?! [7, с. 190]; //Это – Гаммельн, а есть Гималаи: /Райский сад.// [7, с. 208]. Они «поддерживают» первый «слой» и «центральный» поэтоним *Гаммельн*, играют роль дополнительных актуализаторов смысла. Основные их функции – характеризующая, метафорическая, сравнения.

Совокупность поэтонимов поэмы «Крысолов» предстает как целое, организованное определенным образом. Ни один поэтоним или его замена не «выпадает» из структуры, каждая единица выступает неотъемлемой составляющей художественного мира произведения, работает на выполнение авторской поэтической задачи.

Источники и литература

1. Жогина К. . «Поэтика имени» М. Цветаевой // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений: Восьмая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9-13 октября 2000 года) [Москва]: Сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2001. – С. 276-290.
2. Калинин В. М. Этюды о поэтике онимов в творчестве О. Мандельштама. IV. Aeterna Urbs и Третий Рим //Филологические исследования. Выпуск 5. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2002. – С. 78-97.
3. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Львов С. И. Своеобразие повтора в поэзии М. Цветаевой // Русская речь. – 1987. – № 4. – С. 74-79.
5. Марина Цветаева: Эпоха, культура, судьба: Десятая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9-11 октября 2002 г.): Сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2003. – 527 с.
6. На путях к постижению Марины Цветаевой: Девятая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9-12 октября 2001 г.): Сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. – 440 с.
7. Ухач А. О. Поэтика собственных имен в сборнике стихотворений Марины Цветаевой «Стихи к Блоку» //Филологические исследования: Сборник научных работ. – Выпуск 8. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2006. – С. 244-249.
8. Цветаева Марина Ивановна. 1892-1941. Стихотворения и поэмы в пяти томах. – Т.4: Поэмы. – Russika Publishers, Inc. New York, 1983.

Примечания

¹Мы здесь не акцентируем внимание на правомерности применения термина «поэтонимосфера» по отношению к совокупности собственных имен произведений различных жанров.

²Выделение курсивом здесь наше. – А. У.